

Проект финансируется
Европейским
Союзом

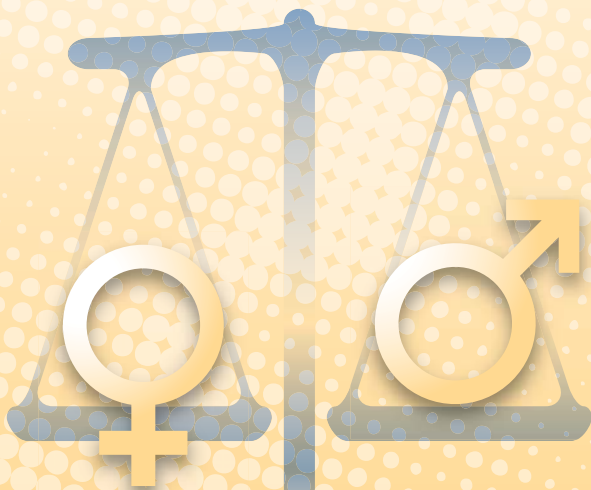

Проект реализуется
Фондом
«Сорос - Кыргызстан»

Проект «Разработка механизмов и обеспечение
социально-правовой защиты женщин от насилия»

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(мини-исследование)

Бишкек, 2009 г.

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ГЕНДЕРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

(мини-исследование)

Бишкек, 2009 г.

Настоящее исследование проведено Ибраевой Г.К., доцентом АУЦА, кандидатом социологических наук, Ниязовой А.Н., доцентом КРСУ, кандидатом юридических наук в рамках проекта ФСК и ЕС «Разработка механизмов и обеспечение социально-правовой защиты женщин от насилия».

Данный материал опубликован при поддержке Европейского Союза. Содержание публикации является предметом ответственности авторов и не отражает точку зрения Европейского Союза.

Содержание

	Стр.
Введение	4
1. Методология и методика исследования	6-8
1.1. Цели и задачи исследования.....	6
1.2. Описание выборки и инструментария исследования.....	7
2. Уровни гендерной чувствительности и компетентности судейского состава пилотных районных судов по вопросам семейного насилия: основные результаты исследования	9-19
2.1. Информированность респондентов о семейном насилии и представления о субъектах семейного насилия.....	9
2.2. Природа семейного насилия в субъективных представлениях.....	12
2.3. Эффективность законодательных мер по профилактике и борьбе с семейным насилием.....	14
2.4. Представления о субъектах по борьбе с семейным насилием	16
2.5. Компетентность судей по функциям государственных структур в борьбе с семейным насилием	17
2.6. Наличие конфликтных зон в субъективных представлениях	18
3. Выводы	20
4. Рекомендации	22
5. Приложения	23-32

Введение

Признание существования практики домашнего насилия – один из индикаторов демократического развития общества. Развитие общества в этом направлении начинается с констатации наличия общественного явления и сопровождается разработкой действенных мер политики по обеспечению безопасности личности, семьи, общества, предотвращению и борьбе с насилием в семейной сфере. Кыргызстан стал практически первой страной в регионе Центральной Азии, признавшей распространенность практик семейного насилия в обществе, а также разработавшей специальное законодательство по созданию социально-правовой системы охраны жизни, здоровья членов семьи от насилия и предоставлению пострадавшим защиты от насилия в семье.

За более чем 5 лет функционирования закона «О социально-правовой защите от насилия в семье» правоприменительная практика показала его слабые и сильные стороны, пробелы, коллизии, что и было учтено при разработке, а также внесении изменений и дополнений в законодательство по результатам проведенной гендерной экспертизы.

Поскольку семейное насилие (далее СН) – принципиально специфический вид правонарушений¹, с этим связан ряд

1 Российский исследователь домашнего насилия А.Синельников указывает среди специфики СН следующие моменты: «Одна из главных принципиальных особенностей СН состоит в том, что оно имеет системный характер, не являясь ни случайностью, ни досадным эпизодом. Системность СН проявляется в самих принципах его функционирования: это повторяющиеся во времени инциденты (паттерн) множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического)... Второе принципиальное отличие СН от других агрессивных актов заключается в особенностях отношений между объектом и субъектом насильственных действий. В отличие от преступлений, совершенного вне дома незнакомцем, СН происходит в отношениях между близкими людьми, которые включают в себя супругов или близких партнеров... Третья принципиальная особенность СН – его четкие гендерные очертания, поскольку, где бы в мире не происходило СН, практически более 90% всегда его жертвы – женщины»// А.Синельников Выученные уроки. В кн. Обыкновенное зло: исследования насилия в семье, М.УРСС,2003 стр.93-94.

вопросов, как выявление, учет, так и эффективная борьба с ним. В Кыргызстане до сих пор не существует обязательной официальной статистики по СН, и в целом можно констатировать низкую степень внимания к вопросам учета фактов и заявлений по вопросам СН и выдачи охранных судебных ордеров (далее ОСО). До сих пор ни судебные инстанции, ни правоохранительные структуры не фиксируют фактов обращений граждан по вопросам СН, а выданные охранные временные ордера (по линии МВД) фиксируют лишь малую часть таких деяний.

Данные кризисных центров, расположенных в различных регионах страны, свидетельствуют о высокой степени распространенности такого рода правонарушений, но эти данные фрагментарны и противоречивы. Таким образом, фактические проявления проблемы, особенности распространенности СН по-прежнему остаются скрытыми для общественности.

Данное исследование, не преследуя задачи определить границы распространения СН, тем не менее, призвано способствовать усилению эффективности борьбы с СН, поскольку приоткрывает информацию о состоянии субъективного сознания профессиональных судебных кадров, работающих с различными проявлениями СН.

Авторы надеются, что выводы и рекомендации настоящего исследования станут, в свою очередь, еще одними основаниями для разворачивания действий, направленных на повышение потенциала судей Кыргызской Республики в области защиты от насилия в семье, гендерного равенства, ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

1. Методология и методика исследования

1.1. Цели и задачи исследования

В рекомендациях Комитета CEDAW от 20.01.2004 г. ко второму периодическому отчету Кыргызской Республики неоднократно обращается внимание государства на низкий уровень гендерной чувствительности судей, который является одним из серьезных препятствий в процессе защиты прав женщин и обеспечении реального гендерного равенства. Кроме того, в комментариях комитета CEDAW содержатся важные рекомендации: в следующем страновом отчете² предоставить подробную информацию о жалобах, поданных в суды, на основании Конвенции и положений законов о гендерном равенстве, а также обо всех решениях судов, вынесенных на основании Конвенции и национального законодательства о гендерном равенстве; разработать учебные и информационные программы о Конвенции и национальных законах о гендерном равенстве, в особенности для работников судебной и правоохранительной системы с тем, чтобы обеспечить должную защиту прав жертв домашнего насилия.

Правосознание сотрудников правоохранительных и судебных органов является одним из ключевых факторов, влияющих на эффективность профилактики и борьбы с СН. Поэтому замер субъективных представлений и установок судей может прояснить как происходит практика правоприменения в местных судах.

Целью данного исследования является изучение уровня гендерной чувствительности судей Кыргызской Республики и разработка рекомендаций для повышения их потенциала в

2 К сожалению, в третьем периодическом докладе КР по реализации Конвенции CEDAW, представленном в октябре 2008 г., по-прежнему нет статистики обращений, жалоб и исков в судебные органы по нарушению прав женщин.

вопросах гендерного равенства, борьбы с семейным насилием и дискриминацией по признаку пола.

Исследование сфокусировано на следующем исследовательском вопросе:

- Каковы гендерные установки и стереотипы мышления у судей, рассматривающих уголовные дела и дела об административных правонарушениях по фактам семейного насилия?

Для реализации данной цели были выбраны три пилотных суда районного уровня:

Базар-Коргонского (Джалал-Абадская область), Ак-Суйского (Иссык-Кульская область) и Октябрьского (г. Бишкек). Пилотные районы репрезентируют разные (по народонаселению, географии и типу поселения, этническому составу) регионы страны. Предварительный запрос в Верховный суд КР дал информацию о том, что в последний год ни в одном местном суде не рассматривались дела, квалифицированные в качестве семейного насилия, а также в прошедший год не зафиксировано по стране фактов выдачи ОСО. Поэтому отбор пилотных судов не включал критерия наличия судебных слушаний по вопросам СН.

1.2. Описание выборки и инструментария исследования

Как уже было отмечено, в выборку включены три района, репрезентирующие типичные административные территории юга, севера и столицы республики. Представленные районы различаются по этническому составу, по количеству проживающего населения, по гендерному составу и пр.

В связи с тем, что до сих пор в Кыргызской Республике таких исследовательских задач не ставилось, можно констатировать пилотно-разведывательный характер исследования. Именно поэтому для проведения исследования была выбра-

на качественная стратегия. В трех пилотных районах было проведено сплошное интервьюирование районных судей, рассматривающих уголовные дела и дела об административных правонарушениях. Так, в Базар-Коргонском районе Джалал-Абадской области было опрошено четыре респондента, в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области - два и в Октябрьском районе г. Бишкека – девять. Среди респондентов представлены оба пола: 4 женщины, 11 мужчин. Опыт судейской работы респондентов варьируется от 1 года 4 месяцев до свыше 20 лет. Этнический состав судей довольно однородный: 14 кыргызов и 1 казах. Образовательный уровень респондентов характеризуется следующими показателями: высшим юридическим образованием обладают все респонденты, при этом двое закончили высшие школы милиции (Ташкентскую и Карагандинскую), остальные – Кыргызский национальный университет. Примечательно, что лишь один респондент-женщина (судья Октябрьского района г. Бишкека) имеет два высших образования (кроме КНУ, Академия управления при Президенте КР).

В качестве исследовательского инструмента было выбрано полуструктурированное глубинное интервью. Однако в силу высокой рабочей нагрузки судей местных судов, в большинстве случаев респондентам не удалось дать полноценного глубинного интервью, а лишь ответить на вопросы в технике анкетирования с небольшими комментариями респондентов (приложение 1 - структура интервью). Также предварительно планировалось изучить отдельные случаи правоприменительной практики по вопросам СН. В связи с отсутствием фактов, фиксируемых по данной категории дел, было принято решение изучить судебные дела, квалифицируемые как побои, истязания, мелкое хулиганство, нанесение легких телесных повреждений (приложение 2 – кейс 1; приложение 3 - кейс 2).

2. Уровни гендерной чувствительности и компетентности судебного состава пилотных районных судов по вопросам семейного насилия: основные результаты исследования

2.1. Информированность респондентов о домашнем насилии

Информированность судебного состава о СН не есть результат специальных тренингов или иных видов функционального обучения, поскольку в учебных программах профессионального образования действующих судей пилотных районов специальных курсов по СН не предусматривалось. Поэтому понимание о СН респондентов-судей обуславливается исключительно собственным здравым смыслом и жизненной ситуацией.

Между тем, важность и четкость понимания мер государственной политики по предотвращению СН основано, прежде всего, на адекватном, реалистичном определении самого феномена СН.

В ходе интервью респондентам – судьям задавался ряд вопросов, выявлявших значения и смыслы, их понимание, «что такое семейное насилие?». Ответы респондентов можно классифицировать на пять групп:

- Определения в профессиональных терминах, где подчеркивается противоправный характер действий одного из членов семьи в отношении других членов, а также описывается объективная сторона этого правонарушения.
- Определение семейного насилия через перечисление / включение конкретных видов преступлений, правонарушений против личности. В этом типе понимания рядом

положенными оказывается целый спектр разных преступлений – от кражи невест до торговли людьми, и, в то же время, ряд видов СН оказывается «не включен» в список.

- Определение семейного насилия через перечисление объективных характеристик физического насилия – побоев, истязаний и т.д. При таком определении понятия, по логике, не должен ставиться вопрос о психологическом, экономическом и пр. видах семейного насилия³.
- В некоторых определениях семейного домашнего насилия, понимаемого как конкретные формы насилия физического, подчеркиваются властные позиции отдельных членов семьи, процесс насилия представляется как реализация властных возможностей сильного (физически более развитого, психологически более тренированного и пр.) члена семьи над более слабым.
- Определение семейного насилия без правовой оценки, а сугубо в терминах моральных и этических отношений членов семьи. Например, такое определение как «СН – это несовпадение характеров, (супруги) не нравятся друг другу. Это происходит в результате создания семьи по договоренности родителей, или через кражу». В таком случае понимания феномена СН предполагается, что его субъектами выступают только супруги, а само явление обусловлено объективными факторами и носит «естественный» характер. К этой же категории относятся мнения респондентов, которые содержат скрытое несогласие с трактовкой семейного насилия. Так, один из респондентов, подчеркивая, что вынужден соглашаться с «буквой закона», отметил, что словесные ругательства и оскорбления также являются видом семейного насилия, поскольку «по зако-

3 Тем не менее, ответы на последующие вопросы выявили понимание и в области других видов семейного насилия. Об этом более подробно см. в разделе 2.6

ну так классифицируется». Непроговоренный же контекст мнения респондента довольно категоричен: это – не преступление, а вопросы этики человеческих отношений.

СН зачастую воспринимается не как просто тип правонарушения, а как культурный (этнический) феномен природного характера, свойственный культуре кыргызов или других национальностей, поскольку именно в эту этническую культуру вписываются традиции насильственных отношений в семье. Так, один из респондентов говорит: «Ну, у нас кыргызов выражается насилие – неуважение супруга». Напротив, в столичной среде бытует мнение, что насильственное поведение в семье характерно для русского населения: «У нас почти 90% мелких хулиганов доставляют из-за домашнего дебоша по отношению к матери или супруге. Это считается мелким хулиганством, так как они не дают покоя, пьянствуют. Это в основном русские». Интересно, что по мнению судьи Ак-Суйского района, случаи СН встречаются в их районе реже, чем в среднем по стране по причине того, что население «многонациональное, обрусевшее».

Определение понятия СН обуславливает признание или не признание судьями разных видов насилия. В целом субъективные представления судей о разнообразии видов домашнего насилия можно разделить на две группы: более гендерно-чувствительные к разным формам насилия и менее чувствительные. Так, если респонденты из первой категории в этом смысле знают и говорят о психологическом, сексуальном, экономическом насилии, то респонденты из второй группы склонны больше представлять семейное насилие исключительно в терминах побоев и истязаний.

Особенно важно выделить рассуждения респондентов по вопросам сексуального и экономического насилия. Так, признавая противоправность принудительного вступления

в сексуальные отношения между супругами, некоторые респонденты отметили также наличие неких «супружеских обязанностей» мужчины в браке, что может оправдывать принуждение супруги⁴. Один респондент категорично заявил, что «если нет телесного повреждения, то вообще это – не изнасилование».

В ответах об экономическом принуждении одного из членов семьи, едва ли не единственный раз появляется альтернатива в образе субъектов, чьи права ущемляются. То есть если по другим видам насилия женщина воспринимается как единственно возможная жертва, то здесь возникает образ жертвы – мужчины. «Да, ограничение прав в распоряжении домашним бюджетом – это насилие, потому что так ограничивается ее доступ к личным потребностям, например, у женщины есть свои потребности. Или представьте, что мужчине не дают денег на сигареты. Это – насилие».

Некоторые виды насилия отдельными респондентами даже на уровне риторики не расцениваются как правонарушения. Так, ограничения прав супруга в распоряжении семейным бюджетом один из респондентов считает всего лишь «аморальными действиями»: «Ограничение права супруга не достигает той степени, которую имеем по уголовному законодательству или административному законодательству», а также: «распределение роли и бюджета (в семье) никак не может быть насилием».

Для признания психологического насилия правонарушением, по мнению некоторых судей, требуются такие признаки, как системность и совершение каких-либо действий (т.о.

4 Примечательно, что при таком «прочтении» сексуального насилия происходит подмена самих понятий: насильник, реализующий свою волю и желания, де-субъективизируется, превращается в послушного исполнителя «семейного порядка», а женщина, подвергающаяся насилию – наоборот превращается в нарушительницу традиционных семейных устоев.

бездействие не рассматривается общественно-опасным деянием). Один из респондентов отмечает, что «некоторые не могут определить свои желания и реализоваться как личность в обществе в результате давления, видимо к такому состоянию надо привести, когда уже идет системность». Очевидно, что подобное противоречивое правосознание отражается и на восприятии собственной роли в профилактике СН и правоприменении норм закона о семейном насилии.

Некоторые респонденты обосновали целый свод аргументов, основанных на их представлениях о гендерном режиме семьи. Так, передача денег в распоряжение жены функционально оправдана, поскольку, как считают респонденты «она ведет дела по хозяйству, покупает продукты, готовит, покупает одежду детям».

Другие респонденты признают рациональность ограничений прав одного из супругов по распоряжению ресурсами: «Ну, кто-то же должен заниматься бюджетом,- один человек, порядок должен быть в семье?» - и оправдывают отказ супруга мужчины в предоставлении финансовых средств супруге – женщине: «Это такой хитрый вопрос (хи-хи-хи). Почему, если это касается жены, то нет денег, а если... Ну а если действительно нет денег?».

Некоторые респонденты в принципе не признают ограничения экономических свобод членов семьи формой семейного насилия, сводя вопрос скорее к проблемам коммуникации и психологии отношений: «Интервьюер: Если один из супругов ограничивает другого в распределении семейного бюджета, это является насилием? Респондент: Это насилием, наверное, не является, это, наверное, просто вопрос семьи, я считаю, что это не является семейным насилием».

По-разному представляя сам феномен семейного насилия, большинство респондентов признают такое деяние

общественно-опасным. Правда, логика такой оценки различна: если одни считают опасным сам факт насильственных отношений в семье, то другие, например, демонстрируя целый ряд гендерных стереотипов, подчеркивают пагубность влияния на детскую психику разводов в результате СН и создание среды для развития криминальных наклонностей детей в неполных семьях: «Да, безусловно, это – общественно-опасное деяние, потому что может привести к разводу, дети могут вырасти сиротами, потом вырасти преступниками, а это создает опасность обществу» или «Да, для общества это опасно тем, что люди разлагаются психологически. Жертвы могут сами совершить преступление, домашнее насилие провоцирует дальнейшее преступление со стороны жертвы, вызывает агрессию, либо может привести к суициду. Если женщина – жертва, то она не может полноценно воспитывать детей».

Некоторые респонденты не считают семейное насилие общественно-опасным, аргументируют свои установки количественными параметрами «сопряженных» рисков: «Это чисто семейные проблемы. Это же не ВИЧ, чтобы заражать других», или: «Это не несет опасности общественности, потому что происходит в ограниченном пространстве. В квартире, дома, всего лишь между супругами».

2.2. Природа домашнего насилия и субъекты домашнего насилия в представлениях судей

Мнение респондентов о субъектах семейного насилия довольно однообразно. Так, образ насильника это – преимущественно мужчина - супруг, а образ жертвы – женщина, супруга. Рассуждая о существовании определенного типажа жертвы, один из респондентов отвечает: «ЕЮ может стать ЛЮБАЯ». Лишь в единичных интервью были указаны в качестве насильников сыновья и свекрови, в подавляющем большин-

стве случаев респонденты представляли супруга – мужчину как агрессора и жертву – супругу.

Характер насильника для многих респондентов построен на классическом «собрании» стереотипов: это типаж необразованного, безработного мужчины, пьяницы и девианта. Причем, стереотипно рисуется картина и «неблагополучной семьи» - алкоголиков, наркоманов.

Стереотипизация образов агрессора и жертвы по логике препятствует объективному судебному рассмотрению. Но ситуация восприятия судьями СН еще более осложняется, поскольку большая часть из них думает о природе семейного насилия, в целом, в терминах биологических феноменов. Так, один из судей отвечает на вопрос о типичных агрессорах: «Насильник становится таковым по природе, поскольку у него биологическая предрасположенность к насилию или агрессии. Чаще всего человек является по характеру вспыльчивым и его невозможно исправить». Также на вопрос о действенности законных мер борьбы с СН, этот же респондент заявляет: «Скажу честно, жертвы СН редко жалуются. Они все терпят, потому что у нас менталитет такой». Более того, один из респондентов утверждая, что «мужчина – агрессор по природе», замечает что «это передается по наследству».

В то же время, воспроизводство насильственного поведения в семье – таков с точки зрения большинства респондентов механизм продолжения практик СН из поколения в поколение.

Корни такого насильственного поведения многообразны, по мнению респондентов. Так, важным элементом, определяющим насильственное отношение между супругами, в ряде регионов судьи выделили гендерные культурные стереотипы. Двое респондентов из Базар-Курганского районного суда в качестве главных причин домашнего насилия в районе от-

метили рождение детей нежеланного пола (девочек) в семьях. «В нашем районе причиной СН является зачастую и пол (рождающихся) детей. Если мальчик родился – хорошо. Никто не возникает. Но если уже второй ребенок подряд рождается девочка, то начинаются проблемы».

Борьба в семье за главенство, по мнению опять же Базар-Курганских судей, является одной из причин СН. Так, традиционно, «по нашим законам главой семьи является мужчина. СН происходит из-за экономических вопросов. Кто-то больше зарабатывает, а кто-то сидит дома». То есть речь идет об изменении традиционных гендерных ролей в семье и превращении женщин в кормильцев и добытчиков при желании мужчин сохранить за собой властные функции.

Один из респондентов признает закономерность возникновения насилия в семье, возлагая ответственность за это на жертву насилия – женщину. Этот респондент воспроизводит традиционное стереотипное представление о вине самой жертвы, которая своим девиантным поведением провоцирует насилие: «Она не справляется с домашним хозяйством. Дома не убрано, кушать не приготовлено. Вот и скандал выходит».

Эту же «логику» поддерживает другой респондент⁵, который заявил, что насильником может оказаться каждый гражданин. Более того, иногда в процессе совместной жизни «объективно» складываются определенного рода ситуации, вынуждающие отдельных членов семьи прибегать к насилию в отношении других членов семьи. «Наверное, любой человек может выступить насильником. Это от ситуации зависит. Например, я рассматривал дело, где муж жил со второй женой, а также у него были любовницы. Когда он уходил «налево», он предупреждал жену: «Сегодня я иду к

5 Примечательно, что все эти установки проговорены в ходе интервью с судьями Базар-Курганского районного суда.

любовнице. Не смей прийти туда. Я предупреждаю тебя». Когда же жена вместе со своими сестрами пошла туда, где он находится, то он при всех ее избил. На суде твердо стоял на своем: «Я бы ее не трогал, если бы не предупреждал. Но я ведь предупредил».

Большинство ответов свидетельствуют о «нормализации» СН в субъективном восприятии судей, которые находят «рациональные» факторы его существования (это могут быть причины разного уровня: экономический кризис, функциональная неприспособленность партнеров и др.).

Более того, большинство судей различают СН в качестве аморального действия, вопроса этики отношений, которые должны регулироваться в сообществе. Декларируя СН в качестве общественно-опасного деяния, зачастую судьи подчеркивают именно «букву закона», принятую государством для символических практик. Это – как свободная воля государства в признании такого негативного явления. Но в реальности равняться другим правонарушениям, ответственность за которые предусмотрена в административном или уголовном кодексах, данное деяние, по мнению респондентов, не может.

2.3. Эффективность законодательных мер по профилактике и борьбе с СН

Подавляющее большинство судей придерживается точки зрения, что законодательство в области защиты прав граждан довольно развито, и что проблема, в основном, в правоприменительной практике.

При этом респонденты, которые продемонстрировали представления о природной, биологической обусловленности домашнего насилия также высказали удовлетворение законными мерами по борьбе с СН.

С одной стороны, признавая, что преступную природу изменить невозможно, с другой стороны, эти же респонденты заявляют о том, что жесткий контроль за поведением насильника может предотвращать агрессию в семье.

Интересно, что несколько респондентов сетовали не просто на несовершенство законодательства по борьбе с СН, но и выступали с протестом против кампанейщины в борьбе с такими деяниями: «Часто СН у нас превращают в уголовную статью (ст.234 - хулиганство), потому что у ОВД, РОВД есть план. Например, за этот год надо закрыть 300 дел, часто семейный конфликт возбуждается и для отчета».

В целом, судьи считают законодательные и правовые меры скорее малоэффективными, поскольку «нет механизмов реализации», а в обществе не развита «культура ненасилия». Причем, зачастую доводы судей формулируются из «здорового смысла», а не реальной практики: «Я не выдавал ордер, но в нашем обществе маловероятно воздействие ВОО на насильника».

Респонденты рассказали об «особых» практиках борьбы с СН. Как утверждает один из судей, зачастую «дела по СН на протяжении многих лет не закрыты, потому что милиции это выгодно. Они пугают виновника и вымогают деньги. На протяжении многих лет, спокойно пользуются (милиционеры) ими, даже за обеды заставляют платить».

Один из респондентов предложил «оригинальный» способ борьбы с СН, выражая «государственный интерес» в усилении давления на граждан – субъектов СН через экономические механизмы. С его точки зрения, «по Закону о государственной пошлине при рассмотрении разводов, мы взимаем 15 сомов. Это же просто анекдот. Вот если бы повысили пошлину до 10-15 тысяч сомов, то можно примирить стороны. Они будут жить мирно. А если нет, то хоть

государству будет польза». Таким образом, признавая, что по проблемам СН чаще всего стороны примиряются, данный респондент инициирует «профилактику» обращений по фактам СН.

Интересным представляется частное мнение респондента - женщины о необходимости применения к насильникам не только репрессивных мер государственного принуждения, но и реститутивных: «Нужно сочетать не только меры государственного принуждения, есть другие моменты, когда он сам (насильник) нуждается в помощи психолога». Такое понимание свидетельствует о восприятии СН как диалектических отношений в семье и других сферах, требуя более глубокого анализа причин, комплекса мер и решений. Именно этот респондент отмечает, что «проблема насилия должна решаться в корне, выясняя причины его. ВОО и ОСО – лишь борьба с последствиями».

2.4. Представления о субъектах по борьбе с СН

Ни у одного судьи, включенного в выборочную группу, независимо от стажа работы нет опыта выдачи ОСО. Тем не менее, каждый респондент имеет общее представление о том, какие институты общества и государства должны участвовать в профилактике и борьбе с СН. Некоторые судьи уверены, что в целом в стране в судебных органах такой практики борьбы с СН нет.

По мнению судей, среди ключевых структур, призванных бороться с противоправным действием - СН, находятся:

- НПО, на которые возлагаются функции разъяснения, профилактических действий, финансирования этих мер совместно с айыл окмоту (3)

- Территориальные администрации и айыл окмоту – обязаны разъяснять населению последствия насильственного поведения в домашней сфере (4)
- Суды аксакалов, домкомы – оказание морального давления на насильников и жертв насилия, посредники в примирении сторон (один из респондентов считает, что аксакалы уполномочены «проводить свой суд») (5)
- Правоохранительные органы, призванные рассматривать факты свершившегося физического домашнего насилия (8)

Показательно, что никто из судей, при их очевидной приверженности «позитивному» праву, не демонстрирует знание норм закона о СН, который четко и недвусмысленно указывает на органы, организации и учреждения социально-правовой защиты от семейного насилия и их компетенцию, а также на основания для предоставления социально-правовой защиты от насилия в семье (обращение за помощью от семейного насилия., установленные факты насилия в семье либо наличие в семье трудной жизненной ситуации).

Примечательно, что судья Октябрьского района указала на необходимость расширения компетенции ассоциаций по защите прав женщин (видимо, НПО), которые бы имели возможность, в случае семейного насилия, выдавать охранные ордера.

Интересно, что сами суды большинством респондентов не воспринимаются в качестве причастных к решению проблемы структур. На гипотетический вопрос «Что вы сделаете в случае обращения к вам за помощью жертвы СН?» один из респондентов ответил: «Я направлю в правоохранительные органы, то есть милицию, в прокуратуру. Потому что мы сами не можем их принять». Лишь три респондента признали: суды в рамках предоставленных им прав должны работать по решению проблем.

2.5. Компетентность судей по функциям государственных структур в борьбе с СН

Осведомленность о существовании системы государственных органов по пресечению и предупреждению семейного насилия (суды, прокуратура, ОВД, Омбудсмен, суды аксакалов и др.), а также обязанных оказывать социальную поддержку пострадавшим от семейного насилия (в т.ч. государственных администраций, КДН, организаций образования, здравоохранения, социальной защиты), органов МСУ, неправительственных организаций (кризисных центров, убежищ), не продемонстрировал никто из респондентов.

Среди части опрошенных судей есть понимание необходимости включения в процесс профилактики и борьбы с СН на различных уровнях институтов гражданского общества - судов аксакалов, кризисных центров и др. Зачастую функции государственных органов по предупреждению и борьбе с домашним насилием, по мнению респондентов, должны выполнять домовые комитеты, общественность по месту работы и жительства.

А вот государственные органы, в компетенцию которых входит деятельность по профилактике СН и применение мер государственного принуждения, некоторые судьи затрудняются назвать: «В зависимости какого характера будет насилие, пускай (жертва насилия) обратится в органы», или «... есть такие структуры, которые могут потом вмешаться после чего, возможно возбуждено уголовное дело».

Такая мера, как выдача ВОО характеризуется зачастую как «новые законодательные институты», а выдавать их, по мнению некоторых судей, должны либо «милиция, либо органы опеки»⁶.

6 Характерно, что в интервью фигурирует именно старое наименование структуры, а не как надлежит в частности в данном случае – ОПДС

Свое место в системе государственных органов представляется респондентам как «последняя инстанция». Так, один из респондентов считает, что если жертва СН обратится за помощью к судье, он может «принять заявление и отправить к прокурору». При этом, примечательно, что судья Октябрьского района, рассматривающая гражданские дела, высказалась за расширение полномочий судей в вопросе выдачи ОСО: «Если дело ко мне попало, допустим, о расторжении брака или разделе имущества между супругами, и если выясняется, что между супругами бывает насилие, то тогда можно было бы вынести такой ордер».

Вероятно, можно констатировать более общую проблему профессионализма судей как государственных служащих в связи с недостатком понимания и информированности о наличных государственных структурах и их функциях. Такая «узость» представлений о государственной машине должна неизбежно существенно ограничивать и их собственную деятельность в связи с неадекватностью понимания собственных ролей, места и функций в государственной машине. Характерно, что некоторые респонденты (3 судьи) не считают нужным получение дополнительной информации и знаний в области сущности, профилактики и борьбы с СН. Потребность в повышении потенциала не осознается, не озвучивается и даже высмеивается: «По поводу информированности (смеется), я не нуждаюсь в этом, у нас нормальная семья. У меня свой бюджет, всеми деньгами жена распоряжается полностью. Поэтому это не для мужчины (смеется)».

2.6. Наличие конфликтных зон в субъективных представлениях

Результаты пилотного исследования позволили говорить о противоречивости правосознания судей. Специфичность

СН как общественно-опасного деяния усиливает противоречивость профессионального сознания. Уже отмеченные ранее разрывы в понимании СН как аморального деяния, а не «настоящего» правонарушения⁷, признание насильственного характера поведения как традиционного культурного паттерна, своеобразной этнической традиции, представления о распределении вины и ответственности за СН между жертвой и насильником, стремление найти «рациональные» основания для СН - лишь часть этого конфликтного сознания.

Зоной конфликтов представляется даже сам факт субъективного восприятия частоты, распространенности СН в конкретных локалах. С одной стороны, как граждане, респонденты констатируют распространенность явления СН и даже ссылаются на то, что слышали о случаях в своем районе. С другой стороны, в качестве профессиональных работников судебной системы респонденты отрицают наличие даже мизерной практики обращений по вопросам СН. Практически все (за исключением одного судьи из Октябрьского района г. Бишкека) констатировали, что не представилось случая рассмотрения дела о СН и выдачи ОВО, что феномен СН скрыт от общественности. Такие заявления на фоне замечаний о «кампанейщине» по регистрации фактов СН, несомненно, отражают наличие конфликтов правосознания судей. По мнению экспертов – юристов, выявленное противоречие может быть либо свидетельством того, что обращения по СН квалифицируются сознательно иначе в судебной практике, либо, что они не принимаются к судебному производству.

7 Многочисленные антропологические и социологические исследования в регионе ЦА свидетельствуют о наличии традиции противоречивости риторик и практик, которые восходят к периоду распространения ислама, с его различием писанного и «устного» права (шариат и адат). В кыргызской культуре «раздвоение сознания» укоренено в устном народном творчестве (поговорки, поговорки, сказки), а также в этнических нарративах – санжыра.

Важным индикатором конфликтности и противоречивости правосознания судей является их неготовность, и даже воинствующее нежелание обучаться по программам борьбы с СН⁸. Большинство судей считают, что не нуждаются в специальном информировании или обучении по данной проблематике, а некоторые и вовсе услышали в гипотетическом предложении о возможности получения информации некий вызов, оскорбление. Так, один из судей на вопрос о потребности в дополнительной информации о СН, возмутился, обнаружив стереотип тех, кого это может и должно касаться: «Я лично не нуждаюсь, нуждаются те люди, как мы уже с вами говорили, совершившие (насилие). Зачем я нуждаюсь? Я – образованный человек, я работаю, семья есть...».

8 Например, при проведении интервью судья Октябрьского районного суда невербально демонстрировала незаинтересованность в нем и вопросах интервьюера по СН. Другой судья того же района нервничал при ответах на вопросы, порой даже агрессивно отвечал, возмущался, почему интервью проводится не на кыргызском языке. Лишь 7 судей из 15-ти отвечали на вопросы спокойно, внятно, серьезно.

3. Выводы

Проведенное исследование, несмотря на пилотно-разведывательный характер, позволило сделать значительное количество нижепредставленных выводов об уровнях гендерной чувствительности и компетентности судейского состава⁹.

- Представления и конкретные знания судей о природе власти, ее ветвях и организационно-функциональном различении являются фрагментарными, зачастую требуют корректировки. (Во всяком случае, весь спектр институтов и органов, вовлеченных в борьбу с СН, и их функций ни у одного из респондентов нельзя назвать полным и верным)
- В силу отсутствия специального профессионального образования в области политик по предотвращению, борьбы с СН, информированность судей о природе, особенностях и субъектах СН формируется стихийным образом, на основе противоречивых факторов: с одной стороны, на основе «буквы закона», которой они призваны следовать, с другой стороны, на основе повседневных жизненных практик, в которых доминируют патриархатные ценности и гендерно-дискриминационные стереотипы об отношениях мужчин и женщин в семейной сфере. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что в делах по фактам СН судьи выносят решения в зависимости от пола потерпевшего и насильника, как правило, руководствуясь обвинительными заключениями.

9 Данные обобщения касаются только выборочной совокупности субъективных представлений респондентов исследования, но с учетом того, что в пилотных судах была проведена сплошная выборка, складывается гипотеза, что срез установок и представлений в этой сфере может дать и более общее представление о правосознании судей КР. Исследовательская группа при этом не претендует на возможность распространения результатов на более широкую совокупность.

- Недостаточный уровень квалификации может демонстрировать традиционный набор калек (шаблонов) – квалификационных статей, которые вменяются подсудимым. Как правило, в случаях нанесения жертве телесных повреждений, инкриминируемые статьи варьируются только по степени тяжести нанесенного вреда здоровью. Скорее всего, до сих пор статьи по СН не применяются даже не в силу противостояния и нежелания судей, а в силу их неосведомленности в законодательстве.
- Противоречивость сознания о СН представляет несколько разных уровней – уровень символических репрезентаций, где респонденты предъявляют нормативные определения и трактовки, уровень реальных практик, где респонденты имеют установки и образцы «нормализации», рационализации насильственных отношений в семейной сфере, а также уровень воображаемых репрезентаций, в которых угадываются собственно дискриминационные желания и жажда власти.
- Распространенность такого явления как СН способствует «нормализации» этого явления в массовом сознании, а также в сознании судей, что может стать реальным барьером на пути исполнения ими профессиональных обязанностей по судебным делам по СН. Во всяком случае, высокая степень стереотипизации мышления очевидно должна сказаться в качестве предубеждений и других мотиваторов принятия решений по судебным делам. Изученные конкретные случаи судебных разбирательств наглядно демонстрируют дискриминационные практики и предубеждения в отношении мужчин-жертв или женщин-жертв насилия. В правоприменительной практике используются разные стратегии для того, чтобы затянуть решение, принять традиционные решения.

- Состав суда и государственное обвинение занимают пассивную позицию в ходе судебного разбирательства в отношении субъектов СН, следуя логике следственного обвинения.
- Респонденты не имеют представлений и данных ни по распространенности практик СН в стране, регионе, мире, ни по выдаче ОСО. Впрочем, сама информированность и обучение в этой области не представляются желаемыми со стороны судей.
- Среди наиболее важных стереотипов по СН можно выделить следующие:
 - Типичные образы жертв насилия – это женщины, а насильников – неблагополучные, асоциальные мужчины, представители так называемых групп исключения (алкоголики, наркоманы и пр.).
 - Низкая вероятность влияния нормативных мер на личность насильника в силу «природной» сущности, также естественную «предрасположенность» может иметь и жертва СН.
- При отсутствии правоприменительных практик по фактам, квалифицированным как СН, большая часть судей выразила мнение, что методы борьбы с СН на законодательном уровне удовлетворительны.

4. Рекомендации

1. Исследовательская группа считает целесообразным рекомендовать дальнейшее изучение профессиональной деятельности судей, с большим упором на изучение конкретных дел (судебных слушаний). Исследование конкретных судебных практик позволит изучить объективную сторону работы профессионалов, механизмы производимой квалификации дел.
2. Изучение судебной практики по делам о СН целесообразно наладить в режиме постоянного наблюдения-мониторинга. Такой мониторинг даст не только четкие статистические данные по проблематике, но и повысит эффективность самой правоприменительной практики.
3. Важным на символическом уровне и потому востребованным представляется подготовка и проведение специальных обобщений судебной практики по делам о СН, пленума Верховного суда по данной проблеме. Проведение таких форумов как пленум целесообразно проводить в открытом режиме, с участием представителей гражданского общества.
4. Необходимо разработать специальные тренингово-образовательные модули для обучения судейского состава гендерным вопросам¹⁰ и вопросам структуры власти¹¹, уровня компетенции и возможностей решения проблем СН.

¹⁰ Тематически такие семинары должны включать следующие вопросы: понятие и практика гендерных отношений (включая изучение разных форм дискриминации по признаку пола), нормативные рамки гендерной политики в КР и в мире, понятие и инструменты гендерного анализа, а также прикладные темы типа «Гендер и культура».

¹¹ Здесь очень важно произвести работу по деконструкции натуралистского понимания природы законов и права, показать эволюцию нормативных систем и ценностные установки той или иной правовой системы.

5. Также серьезным мотиватором и фактором продвижения судебной практики по делам о СН могут стать учебные туры судейского состава в страны с развитой системой правосудия в области СН (Канада, Грузия, Болгария и пр.). В такие учебные поездки должны быть вовлечены судьи местных судов.

Приложение 1

Анкета

Уважаемый судья!

Просим Вас принять участие в нашем исследовании в рамках проекта Фонда Сорос-Кыргызстан и Европейского Союза «Разработка механизмов и обеспечение социально-правовой защиты жертв насилия».

Данный проект является пилотным для определения дальнейших действий по развитию гендерной чувствительности судей КР и повышению уровня их информированности в вопросах НПА в области искоренения насилия и дискриминации по признаку пола. Ваши мнения и экспертные оценки играют очень важную роль в реализации поставленных проектом целей и в целом в оптимизации правоприменения.

Анкетирование является анонимным, и исследовательская группа гарантирует конфиденциальность полученной информации.

Благодарим за сотрудничество!

Укажите свои личные данные:

1. **Ваш пол** _____ муж. _____ жен.
2. **Ваш возраст:** _____ лет
3. **Ваша национальность** _____
4. **Наличие образования:**
 - Высшее (какой вуз окончили?) _____

-
- Два высших образования (специальности и вузы?)

-
- Ученая степень _____
-

5. Судейский стаж работы _____

6. Ваш опыт работы по уголовным и административным делам (в т.ч. опыт рассмотрения дел по семейному насилию) _____

7. Имели ли Вы опыт выдачи ОСО (охранных судебных ордеров)?

да ____ нет ____

8. Какое определение вы бы могли дать семейному насилию?

9. Какие виды семейного насилия можете перечислить?

10. Можно ли оскорбления, словесные ругательства между членами семьи классифицировать как семейное насилие?

- Да, потому что _____

- Нет, потому что _____

11. Если супруг вступает в половой акт помимо воли супруги, можно ли признать это деяние изнасилованием?

- Да, потому что _____

- Нет, потому что _____

12. Если один из супругов ограничивает право другого в распоряжении семейным бюджетом или не допускает до бюджетных средств семьи, можно ли этот тип отношений признать семейным насилием? Почему?

- Да _____

- Нет _____

13. Согласны ли Вы, что семейное насилие является общественно опасным деянием? Почему?

(для анкетера: не зачитывать варианты, а отметить подходящее по смыслу. Если ответ не подходит под имеющиеся варианты, то впишите вариант ответа)

- Да, безусловно, насилие представляет общественную опасность.
 - Нет, это деяние не представляет большой угрозы для общества
-
-
-

14. Какой из предложенных вариантов адекватен для решения вопросов семейного насилия?

- Есть много случаев примирения сторон и дальнейшей совместной жизни. Потому гораздо рациональнее наказывать семейных насильников в административном порядке
 - Вполне достаточно воздействия социума и потому лучше передавать такого рода дела для рассмотрения в судах аксакалов
 - Семейное насилие не отличается, по сути, от других видов преступлений против личности и потому обязательно должно уголовно преследоваться
 - Другое _____
-

15. Какие меры должны быть приняты в случае совершения семейного насилия? Каким органом?

16. Если к Вам обратится жертва семейного насилия за помощью, как Вы поступите?

(не зачитывать!!!, отмечать соответствующие по смыслу ответы!)

- Отправит к участковому милиционеру
 - Отправит в РОВД по месту жительства
 - Отправит в убежище для жертв насилия или кризисный центр
 - Проведет беседу с разъяснениями прав жертвы и возможностей наказания виновника
 - Вызовет насильника на беседу и разъяснит возможные последствия агрессивного поведения
 - Выпишет судебный ордер и сообщит участковому милиционеру
 - Другое _____
-
-

17. Считаете ли Вы, что после наказания насильники обычно меняют свое поведение в семейных отношениях и не выступают агрессорами?

- Да, поскольку основная цель любого наказания – перевоспитание преступника
- Да, потому что человек не склонен повторять ошибок в жизни дважды
- Да, если изменятся причины и условия его насильственного поведения (поскольку акт насилия может быть ответом на систематическое насилие других членов семьи или социума)

- Нет, он остается насильником, но меняет стратегии насилия (н-р, не бьет больше, но оскорбляет словами, жестами, или оказывает другие виды психологического /экономического и пр. давления)
- Нет, поскольку после отбытия наказания большинство преступников обычно еще более озлоблены на жизнь и мстят членам семьи
- Нет, насильник становится таковым по природе, поскольку у него биологическая предрасположенность к насилию и агрессии.
- Другое _____

18. Считаете ли Вы, что ВОО и ОСО воздействуют на агрессора и снижают уровень насильственного поведения в семье?

- Да, потому что _____

- Нет, потому что _____

19. Удовлетворены ли Вы качеством законодательства в области профилактики и защиты от семейного насилия?

- Нет, закон не позволяет эффективно снижать уровень преступлений, необходимо, прежде всего, работать по воспитанию культуры ненасилия в обществе
- Да, законодательные меры достаточно эффективны

- Другое _____

20. Насколько распространены случаи семейного насилия в Кыргызстане?

- Очень распространены, можно сказать, массовое явление
- Довольно редкое явление
- У нас вообще нет такого явления
- Довольно часто встречаются
- Другое _____

21. Насколько распространены случаи семейного насилия в вашем районе?

- У нас практически не бывает таких случаев
- Гораздо чаще, чем в среднем по стране
- Гораздо реже, чем в среднем по стране
- Практически каждый день бывает в большинстве семей района
- Другое _____

22. Владете ли статистикой по преступлениям, совершенным в отношении членов семьи в вашем районе? В Кыргызстане в целом?

23. Можно ли сказать, что существует определенный тип семей, в которых чаще происходит домашнее насилие?

- Да
- Нет

24. Если да, то опишите основные характеристики таких семей:

- По типу отношений в семье – дедовщина в отношениях братьев и сестер, сильная власть отца или матери, приверженность традициям, доверительные партнерские отношения, взаимовыручка среди детей, практика жестоких наказаний членов семьи за малейшие проступки, попустительство в асоциальном поведении, неуважительное отношение членов семьи друг к другу и т.д.
- По экономическому статусу – наличие постоянной работы у трудоспособных членов семьи, наличие постоянного источника доходов у членов семьи, соотношение размера доходов членов семьи и прожиточного минимума, наличие подсобного хозяйства, наличие собственного жилья
- По наличию вредных привычек – алкоголизм, наркомания, проституция, тунеядство, бродяжничество и т.д.
- По количеству членов семьи – многодетные, бездетные, семьи с 1-2 ребенком, полная, неполная, расширенная семья – свекровь\теща, свекр\тесть, двоюродные братья и сестры, дяди и тети и т.д.
- По полу детей – наличие в семье только мальчиков, только девочки в семье, и девочки, и мальчики

25. Существует ли какой-то определенный тип насильника (опишите)?

26. Существует ли какой-то определенный тип жертвы (опишите)?

27. Какие обычно лица заявляют о совершенном семейном насилии?

- Женщины / мужчины, привыкшие скандалить на публике, «выносить сор из избы»
- Женщины / мужчины, не привыкшие к оскорблениям и унижениям, дорожащие своим человеческим достоинством
- Женщины / мужчины, знающие законы и свои права
- Женщины / мужчины, переставшие получать привычные средства к существованию от других членов семьи
- Другие _____

28. Кто является причиной семейного насилия?

- Насильник
- Сама жертва
- Другие члены семьи
- Родственники
- Друзья
- В целом общество
- Государство
- Другое

29. Есть ли у Вас потребность в улучшении информированности, повышении квалификации, компетентности в области профилактики семейного насилия и защиты жертв семейного насилия?

30. Какие именно виды информации касательно профилактики семейного насилия или защиты жертв Вы хотели бы получить?

Приложение 2

Кейс 1 судебного разбирательства по факту СН, квалифицированного как уголовное преступление, предусмотренное статьей 112 ч.1 УК КР (нанесение легких телесных повреждений).

Место судебного разбирательства: Октябрьский районный суд города Бишкек

Участники процесса: государственный обвинитель (двое), адвокат подсудимого, судья – (двое).

Время: июль 2006 года – 30 мая 2007 года

Судебная фабула: рассмотрение уголовного дела по обвинению гр-на NN по факту оскорблений и избиений супруги, гр-ки NN. Органами следствия деяние NN было квалифицировано как умышленное преступление, предусмотренное статьей 112 ч.1 УК КР.

Также потерпевшей заявлен иск о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда в размере 400 тысяч сом, в связи с затратами на лечение после нанесения телесных повреждений, кратковременного расстройства здоровья и потери работы (потерпевшая работала в частном предприятии, учрежденном совместно с супругом – ответчиком).

Процедурно: факт семейного насилия, зафиксированный ОВД, датируется 23 февраля 2006 года, в то время как судебное рассмотрение дела начинается лишь 12 июля 2006 года и продлилось в течение 10 месяцев, трижды откладывалось, при этом – однажды по ходатайству подсудимого в связи с его участием в профессиональном форуме, второй раз - в связи с получением отпуска государственным обвинителем и

судьей, временным выездом адвоката, в третий раз - в связи с необходимостью ознакомления с представленными потерпевшей с документами, приобщенными к материалам дела. Также производство по делу было приостановлено на неопределенный срок до выздоровления подсудимого NN.

Рассмотрение дел по СН в течение такого длительного времени, когда потерпевшая и подсудимый проживают в одной квартире, может оказаться чреватым последствиями. Интересно, что решение суда было вынесено в другом составе суда, с другим государственным обвинителем, но в протоколе дела не отражена причина смены состава суда и государственного обвинителя.

В отношении обвиняемого NN была применена мера пресечения – подписка о невыезде, в то же время, одно из судебных заседаний было отложено в связи с его выездом в Иссык-Кульскую область.

Объективно: в ходе следствия не были опрошены свидетели – дочь потерпевшей NN, соседка по месту проживания JL, слушание заключалось только в допросе потерпевшей и подсудимого. Последний представил свою, совершенно отличную от потерпевшей версию произошедшего, однако суд принял решение по «непрозрачным» основаниям, следуя логике формулирования обвинительного заключения.

Так как потерпевшая не смогла представить доказательств по возмещению вреда в виде кассовых чеков о покупке лекарственных средств по иску, судьей иск о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда был отклонен. В то же время, суд располагал как судебно-медицинским заключением, так и справкой РЦПЗ, выпиской из амбулаторной карточки больной, рецептом, квитанцией к расходному ордеру, розничными ценами на приобретенные

лекарства. Однако судом данные документы не были приняты во внимание и в гражданском иске потерпевшей отказано.

Судья предлагал сторонам примириться, исходя из предложения подсудимого. В ситуации СН подобное предложение представляется не этичным, и даже может расцениваться как определенного рода воздействие на пострадавшую сторону.

Постановлением Октябрьского районного суда уголовное дело по обвинению NN в совершении умышленного преступления, предусмотренного статьей 112 ч.1 УК КР, прекращено вследствие акта амнистии (освобождение от уголовной ответственности в виде лишения свободы). Таким образом, подсудимый, будучи признанным виновным, тем не менее, не понес никакого наказания, лишь символически оставшись осужденным. В случае, если бы судья переквалифицировал данное преступление на правонарушение, предусмотренное статьей 66-3 Кодекса об Административной ответственности (семейное насилие), то подсудимый понес бы наказание в виде штрафа.

Примечательный факт: государственное обвинение не только не поддержало иск потерпевшей, но и само не предъявило подсудимому иск о возмещении имущественного ущерба государственным медицинским учреждением, оказавшим услуги потерпевшей.

Комментарии:

- Судебное следствие, согласно протоколам судебных заседаний и постановлениям суда, практически не ведется, его, по сути, нет, а следует логике обвинительного заключения.
- Продолжительность судебного разбирательства можно расценивать как волокиту и в случаях СН может являться дополнительным фактором и провокацией новых актов насилия.

- Смена состава суда и государственного обвинителя, затянутость разбирательства вплоть до акта амнистии, может оказаться проявлением небеспристрастности и заинтересованности суда. Тем более, что в протоколах не отражены причины смены состава суда и государственного обвинения.
- И следствием, и судом преступление NN квалифицируется не как семейное насилие, хотя объективная сторона имеется. Можно говорить о низкой осведомленности, инертности следователей и судей, которые работают по ограниченной кальке квалификаций преступлений.

Приложение 3

Кейс 2 судебного разбирательства по факту СН, квалифицированного как уголовное преступление, предусмотренное статьей 112 ч.1 УК КР (нанесение легких телесных повреждений).

Место судебного разбирательства: Октябрьский районный суд города Бишкек

Участники процесса: государственный обвинитель, адвокат подсудимого, судья.

Время: июль – октябрь 2007

Судебная фабула: рассмотрение уголовного дела по обвинению гр-ки С-вой в совершении умышленного преступления, предусмотренного статьей 112 ч.1 УК КР в отношении потерпевшего М-ва. Находящиеся в разводе с сентября 2006 года С-ва и М-в (проживают раздельно, имеют двух совместных несовершеннолетних детей) встретились в ГОМе для разъяснения судьбы детей, которые по заявлению отца, М-ва, были проданы С-вой. После посещения ГОМ Октябрьского РОВД бывшие супруги сели в автомашину потерпевшего, а вместе с ними поехали двое участковых инспекторов.

В дороге между С-вой и М-вым случился словесный конфликт из-за того, что подсудимая ограничивала потерпевшему возможность общения с детьми. В результате словесной перепалки сидевшая на заднем сидении С-ва ударила М-ва по голове. Удар по голове причинил М-ву легкий вред, с кратковременным расстройством здоровья. В отношении С-вой органами следствия была применена мера пресечения – подписка о невыезде.

Процедурно: рассмотрение дела продлилось в течение 4 месяцев. Однако само событие произошло еще 10 февраля. Таким образом, период от начала следствия до начала судебного разбирательства насчитывает около 5 месяцев. В ходе первого заседания потерпевший ходатайствовал о прекращении уголовного дела по обвинению С-вой в связи с примирением сторон. Председательствующий вынес постановление о прекращении производства по уголовному делу по обвинению С-вой в совершении преступления, предусмотренного статьей 112 ч.1. УК КР в связи с примирением сторон, освободив ее от уголовной ответственности. Мера пресечения в отношении С-вой в виде подписки о невыезде отменена. Между судебным заседанием 17 июля и вынесением постановления от 18 июля существует необъясненный временной разрыв.

Уже 27 июля 2007 года М-в обратился в коллегия по уголовным делам Бишкекского городского суда с апелляционной жалобой на решение Октябрьского райсуда, в которой кроме факты дела указал, что в результате деяния С-вой ему пришлось пройти стационарное лечение с 26 февраля по 7 марта 2007 года по месту жительства в Иссык-Кульской областной больнице по рекомендации отделения нейро-травматологии Национального госпиталя.

В апелляционной жалобе потерпевший указал, что с первых дней рассмотрения дела судья оказывал давление на него, предлагая написать заявление о примирении. Согласно апелляционной жалобе потерпевший был вынужден примириться с подсудимой с условием, что она в любое время будет позволять встречаться с детьми, которых он с периода развода (октября 2006г.) не видел. Так как С-ва после примирения и прекращения уголовного дела в отношении нее не выполнила данного условия, М-в написал апелляцию. 8 октя-

бря 2007 г. состоялось судебное заседание коллегии Бишкекского городского суда. Определением судебной коллегии постановление Октябрьского суда оставлено без изменения, а жалоба оставлена без удовлетворения. Обоснований данного решения в протоколе не содержится.

В настоящее время М-в подал судебный иск об определении порядка свиданий с детьми.

Комментарии:

- Данное дело формально не подпадает под определение СН, так как закон «О социально-правовой защите от насилия в семье» устанавливает необходимость совместного проживания насильника и жертвы. Однако, данный случай все же можно квалифицировать и как семейное насилие, поскольку причина конфликта связана именно с семейными отношениями между родителями и детьми.
- Традиционно в судебной практике место жительства несовершеннолетних детей при расторжении брака определяется местом жительства матери. Судьи оказываются нечувствительны и нелояльны к отцам и их правам. При рассмотрении дел не принимаются во внимание ни материальные факторы, ни эмоциональная составляющая отношений родителей и детей, ни навыки заботы и опеки у родителей. В данном судебном разбирательстве суд продемонстрировал типичный случай гендерной дискриминации или как минимум вынесение решения на основе гендерных предубеждений и стереотипов, не вникнув в сложности отношений и причин конфликта.

